

Поздняя зима 1968 года. Ветер в пустыне Гоби на северо-западе, подхватывая песок, хлестал по высоким стенам женской тюрьмы Цинъя, словно ножом. Колючая проволока тускло поблескивала под свинцово-серым небом. Снег, скопившийся у подножия стен, смешался с угольной пылью и выглядел как заплесневелая старая вата.

Линь Вань проснулась от холода.

Пронизывающий холод сочился из старой соломенной подстилки под ней, поднимался по позвоночнику в черепную коробку, заставляя её внезапно вздрогнуть. В полутьме ноздри наполнились смешанным запахом ржавчины, плесени и пота, а также едва уловимым запахом дезинфицирующего средства — настолько слабым, что он не мог заглушить отчаяние, пропитавшее каждый уголок.

Она с трудом открыла глаза. Перед ней была облупившаяся, пятнистая стена землисто-серого цвета. Отслаивающаяся штукатурка обнажала желтую глину, а у подножия стены виднелись тёмно-зелёные пятна плесени. На потолке висела тусклая лампа накаливания. Провода были оголены и время от времени издавали шипение тока. Свет то усиливался, то ослабевал, делая всю камеру ещё более мрачной.

Это была не её съёмная квартира.

Она помнила, что она Су Вань, стажёр-юрист в ведущей юридической фирме 2023 года. Прошлой ночью она до трёх часов ночи разбирала материалы по делу о преднамеренном причинении вреда, чтобы помочь несправедливо обвинённому подростку очистить своё имя. Внезапно за окном мелькнул странный фиолетовый свет, а когда она открыла глаза, мир стал таким.

Незнакомые воспоминания хлынули в её мозг, как прилив. Резкая головная боль заставила её тихо застонать, и она свернулась калачиком, обхватив голову руками.

Настоящая хозяйка этого тела тоже звалась Линь Вань. Ей было всего восемнадцать лет, и она была второй дочерью семьи Линь из города Цзинхай. У неё был брат-близнец по имени Линь Сяо, драгоценный ребёнок, которым семья Линь дорожила — ведь в семье, где ценились мужчины, дочери были лишь водой, которую рано или поздно выльют, а только сыновья продолжали род.

Три месяца назад Линь Сяо подрался в школе и случайно серьёзно ранил другого ученика. В те времена «преднамеренное причинение вреда» считалось тяжким преступлением, караемым как минимум пятью годами исправительных работ, а в худшем случае — могло повлиять на всю дальнейшую жизнь. Семья Линь запаниковала. Линь Цзяньго — старший дядя настоящей хозяйки тела и самый влиятельный человек в семье Линь — принял коварное решение: пусть Линь Вань возьмёт вину на себя.

Они подкупили свидетелей, сфабриковали признание и, пока настоящая хозяйка тела бредила в жару, поставили её отпечаток пальца. Затем Линь Цзяньго использовал свои связи, чтобы

заменить «Линь Сяо» на «Линь Вань» в деле. Восемнадцатилетнюю девушку, таким образом, превратили в козла отпущения для собственного брата, посадили на поезд и отправили в эту тюрьму на северо-западе, далеко от Цзинхая.

Хозяйка тела и так была слаба здоровьем, а после такого чудовищного предательства её жизнь в тюрьме стала хуже, чем у свиней. Еды, состоящей из грубых злаков, не хватало, работы было много, а к тому же её постоянно притесняли другие заключённые. Вчера известная тюремная бандитка по кличке «Тигрица» разозлилась из-за потерянного куска хлеба и выместила злость на самой слабой — настоящей хозяйке тела. Вместе с двумя подружками она загнала её в прачечную и избивала. Ослабленное тело настоящей хозяйки не выдержало, и той же ночью она умерла — а затем появилась Су Вань.

— Очнулась? А я думала, будешь до завтра трупом валяться, — раздался рядом хриплый женский голос с ноткой злорадного безразличия. Линь Вань с трудом повернула голову и увидела на краю соседней койки женщину лет тридцати с высокими скулами и злобным взглядом. Она теребила толстую верёвку из грубых волокон, её пальцы были шершавыми, как кора старого дерева. На женщине была такая же, как у Линь Вань, выцветшая тюремная роба, перешитая бесчисленное количество раз, а на воротнике было коричневое пятно — было ли это едой или кровью, было непонятно.

Линь Вань промолчала, лишь при слабом свете разглядывала камеру. В комнате площадью чуть более десяти квадратных метров стояли четыре двухъярусные железные кровати, вмещавшие восемь женщин. На койке у двери седоборогая старуха, медленно и безразлично подшивая дырявый носок. На койке под углом двое женщин, прижавшись друг к другу, шептались, их взгляды то и дело скользили в сторону Линь Вань с любопытством и презрением.

В камере стояла пугающая тишина, нарушаемая лишь шуршанием верёвки и шагами охранника, патрулирующего где-то вдалеке. На лицах всех присутствующих не было и тени жизни, словно это были куклы, лишённые души — это было не место заключения, а могила, погребаящая человечность.

Линь Вань попыталась пошевелить пальцами — боль во всём теле заставила её судорожно вздохнуть. Тело настоящей хозяйки было слишком слабым. При нажатии на рёбра появлялась боль, должно быть, они были ушиблены вчера; на руках виднелось несколько синяков, а на запястьях остались красные следы от верёвки.

Нет, так нельзя. Нельзя сдаваться.

Она — Су Вань, юрист, специалист по уголовному праву, которая больше всего ненавидела попрание законов и пренебрежение человеческими жизнями. Семейный эгоизм и безжалостность семьи Линь, несправедливая смерть настоящей хозяйки тела, а также мрачное существование в этой тюрьме — она не могла этого терпеть, тем более умереть.

Сначала выжить, затем узнать правду, и, наконец, отомстить.

Как только эта мысль возникла, железная дверь камеры с грохотом распахнулась. Вошёл охранник в синей форме с дудкой в руке и громко дунул: — Всем подняться! Время работы! Копшитесь, как хотите получить по хлысту?

Резкий и пронзительный голос охранника заставил женщин в камере вздрогнуть, словно испуганные кролики, и они поспешно поднялись, поправляя одежду. Женщина, которая до этого терзала верёвку, тоже быстро встала и, проходя мимо койки Линь Вань, тихо прошептала: — Поторопись! У надзирательницы Чжан вспыльчивый характер, опоздаешь — запрут в карцере!

Линь Вань, стиснув зубы, опираясь на железную койку, медленно поднялась. Ноги подкашивались, она чуть не упала, но успела ухватиться за перекладину. Она посмотрела на свою тюремную робу — широкую и большую, она сидела как мешок, а грубая ткань раздражала кожу.

— Номер 3721, что ты там копаешься? — надзирательница Чжан заметила всё ещё не поднявшуюся Линь Вань, нахмурилась и быстро подошла, постукивая резиновой дубинкой по ладони. — Только вошла и уже хочешь отлынивать? Веришь или нет, но я тебя сегодня так накажу, что ты и куска хлеба не получишь!

3721 — её тюремный номер. Линь Вань молча запомнила его, не возражая, лишь ускорив движения, чтобы надеть обувь. Она понимала, что в этой тюрьме сопротивление приведёт лишь к более суровому обращению, и сейчас было не время для открытой конфронтации.

Выйдя из камеры в составе группы других женщин, Линь Вань увидела, что коридор освещён ещё тусклее. Стены были покрыты царапинами и пятнами — следами, оставленными какими-то заключёнными. Вдоль коридора стояли охранники, все с суровыми лицами, сжимавшие в руках резиновые дубинки, их взгляды, словно у ястребов, сканировали строй, опасаясь побега.

Подойдя к большому залу, Линь Вань увидела ещё больше женщин в тюремных робах, выстроившихся в очередь за инструментами. У каждой в руках была ржавая мотыга или серп, а также плетеная бамбуковая корзина — похоже, сегодняшняя работа заключалась в расчистке земли на заднем холме.

— Каждой по пол-му земли, закончить до наступления темноты! — кричал с возвышения тюремный надзиратель с густой бородой, его голос до боли резал слух. — Кто не закончит, тот останется без ужина! А кто попытается сачкануть — отправится в карцер!

Женщины хором ответили безжизненными голосами. Линь Вань, следуя за строем, получила мотыгу. Как только она взяла её в руки, то почувствовала тяжесть — руки настоящей хозяйки были слабы, и эта мотыга казалась ей камнем весом в тысячу цзиней.

Выйдя из главного здания тюрьмы, холодный ветер мгновенно ворвался в воротник, и Линь Вань невольно поежилась. Задний холм представлял собой пустынную местность, повсюду валялись камни и засохлая трава. Земля была твёрдой от мороза, и удар мотыгой оставлял

лишь неглубокую ямку. Женщины рассредоточились, каждая нашла себе участок и приступила к работе. Никто не разговаривал, слышалось лишь «бух-бух» от ударов мотыг о землю.

Линь Вань выбрала себе уголок, поставила корзину и, подняв мотыгу, попыталась копнуть. Рука заныла, запястье задрожало, а земля поддалась лишь тонким верхним слоем. Она, стиснув зубы, сделала второй, третий удар. Вскоре она начала задыхаться, на лбу выступили мелкие капельки пота, а боль в рёбрах становилась всё сильнее.

Пока она остановилась передохнуть, сзади раздался голос, полный издевки: — Ого, кто к нам пожаловал? Наша «милая госпожа»? Одна уже не можешь?

Сердце Линь Вань сжалось. Она медленно обернулась и увидела перед собой три злобно настроенных взгляда. Во главе стояла массивная женщина с лицом, испещрённым морщинами, а на левой щеке виднелся шрам от уголка глаза до уголка рта — это была та самая «Тигрица», которая вчера избила настоящую хозяйку тела до смерти. Позади неё стояли две её подружки, одна полная, другая худая, обе известные в тюрьме задиры, которые обычно издевались над другими вместе с «Тигрицей» и получали за это немалые выгоды.

Женщины, работавшие поблизости, увидев эту сцену, потихоньку отступили, в их глазах читалось сочувствие, но никто не осмелился вмешаться — в тюрьме Цинъя никто не хотел связываться с «Тигрицей».

«Тигрица» подошла к Линь Вань и посмотрела на неё сверху вниз, намеренно наступив ногой в только что выкопанную Линь Вань ямку и примяв землю: — Говорят, ты из Цзинхая? Богатая семья? Почему же оказалась в таком месте?

Линь Вань сжала мотыгу, пальцы побелели, но она молчала. Она знала, что это предвестник бури, а у неё сейчас не было пути к отступлению.

<http://bllate.org/book/18671/1802192>